

ОТРЫВОК

...К полуночи в мой двор лиса приходит
по старой памяти: на месте леса
стоят многоэтажки больше года,
но в поисках съестного рыщет зверь,
в помойке роется, вытягивая мусор,
напитываясь духом городским.

Привыкнуть можно точно ко всему:
к разлукам, переездам, холодам.
Но как могучий беспросветный голод
лисицу гонит через автостраду,
так человека гонит из себя
звучащая незыблемым каноном

оторванность так гонит из себя
нелепого пустого человека
сквозь череду огней на автостраде
в могучий беспросветный лес людской
к разлукам новым, к новым холодам,
к деталям одиночества бывшего.

Это детство, такое детство.
Мы поймали весной лягушку
и в песке раскопали яму
от плеча до кончиков пальцев,
где отвесные стенки пахли
перегноем прошедших весен.

Ну-ка, выберись, хладнокровка!
И недетский азарт бездушный
заплясал, поджигая травы,
что в песок уходили корнем
и мочалились, если дернуть
в самый воздух сухие стебли.

Эта яма исторгла крики,
эта яма исторгла слезы.
Если боль мне на шею лезет,
поджигает сухие нервы
от плеча до кончиков пальцев,
я хочу, чтобы чьи-то дети,

как лягушку, меня поймали.

Черный крыжовник, изабелла северных дач,
отведи дурного соседа десятой дорогой.
Разлапистый куст колюч, и укол горяч,
и крыжовенное вино горячит и горчит немного.

Царь царей, мичуринское дитя,
сколько болезней вынес, которой влагой
напитан, если каждый плод венозная чернота
пронизывает и рвет, как слова бумагу.

К телу ближе своя земляца – дыши, трудись.
С безголовой бутылкой долу хожу по кругу,
и крыжовник черный мне продлевает жизнь,
прививаюсь, колюсь – от какого-такого недуга.

а ты когда-нибудь вставал на гвоздь,
чтоб он вошел в стопу до шляпки сквозь кроссовку?
потом травмпункт и противостолбнячный укол.
сценарий прост. и все-таки не сотка,
но помнится. как хруст, как ветка бузины,
которая всю ночь в окне стояла,
пока температура не давала спать,
пока сидела мать у изголовья
и говорила, что до свадьбы заживет.

какую стену этот гвоздь держал,
какую он лелеял древесину
до той поры, как пробуравил ногу,
с кроссовкой породнив ее на вечер,
а в памяти – навеки породнив?
теперь окно взлетело до восьмого,
в нем нет ни тени, ни сомнений детских.
один балкон в соседнем доме
гвоздит мой взгляд в иную ночь нездешним светом –

дневная лампа холит чахлую рассаду
и смотрит на меня из-под подошвы
синяющего городского неба,
как будто повторяя: "Боль, боли
у кошки, у собачки, у голубки,
у курочки, у ежика, у мышки,
у змейки, у лисички, у лошадки,
у паучка, у ящерицы, у зайки,
у Настеньки пройди, пройди, пройди".

1.

Я на солнышке лежу,
«Новотерскую» цежу.
Подо мной морская галька,
надо мной зудит жу-жу.
Чуть по чуть жара кругом,
у горы под каблуком
я набойкой обращаюсь,
наскатерным завитком.

2.

Забери меня, гора,
может, я тебе родня
через битую коленку,
через чашку киселя.
Буду камень, буду пыль,
отживусь от суеты
в можжевелевой пещере
на окраине гряды.

3.

Положи меня в карман,
море завтра окиян,
где бурлят большие были
и витийствует сазан,
где ни донца, ни небес –
оступился и исчез,
за подкладку провалился
в мировой соленый лес.

4.

Насовсем бы здесь лежал –
хоть потом, а хоть пожар.
Утро пенку расстелило,
полдень градусом прижал.
Лейся песня, мойся мыс,
над мангалом дым клубись.
Раз пошла такая сила,
все по-новому родись.

Кукуй не кукуй,
времени все равно
не останется ни на грош,
что ляжет под языком,
притворяясь
утоляющим жажду камнем,
соленым агатом,
лихорадкой острого Кара-Дага
в широколиственной полосе.

Памятные манатки
собираются в кучу,
из прошлого возвращается зрение,
не прорываясь в грядущее,
словно кузнечик,
бьющийся о стекло веранды,
но снаружи,
из лая десятка
соседских цепных дружков.

Разноцветные лодки-долбленки
всчасно отчаливают от крон.
Мысли, как неудобные гости,
набрасывают ветровки
и спешно выходят вон,
порывом тревожа яблоню
над крыльцом,
в землю стучась
переспелыми кулаками.

Осенний пейзаж
начинается с птичьего неба.
В частном секторе
дорога плывет от дождей
до первых заморозков.
Под колесами еловые ветки
тонут и вовсе становятся не видны
постороннему глазу,
слезящемуся от ветра.

ПЕРЕД КАЗАНСКОЙ

Я помню глаз
и трещину насквозь,
как будто не доска, а книга разломилась
на том единственно возможном развороте:
ни красок, ни оклада, только глаз,
пронизанный насквозь, насквозь разящий
всезнанием, всеболью, вселюбовью.
Нет рук, лица, лишь полутьма собора
теснит толпу пришедших ближе, ближе
и раскрывает сводов полотно –
войди, войди, – а я стою, насквозь,
не в силах самое себя умерить,
надтреснутая, суетливая душа.